УДК 1

Герасимова Алёна Александровна,
студентка Института права УУНиТ,
г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Горбачев Сергей Борисович
доцент кафедры философии и культурологии Института гуманитарных и социальных наук УУНиТ, к.полит.н.,
г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ФОМЫ АКВИНСКОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: *В статье рассматривается влияние философско-теологических идей Фомы Аквинского на современную правовую и моральную мысль. Анализируются его представления о естественном законе, соотношении права и морали, роли совести и разума в социальной структуре. Особое внимание уделено применению аквиновской концепции в условиях технологических и этических вызовов XXI века. Автор показывает, как схоластическая система Фомы может служить основой для осмысления прав человека, цифровой этики и нравственного регулирования новых форм социальной жизни.*

Ключевые слова: *Фома Аквинский, естественный закон, мораль, право, философия, совесть, социальная этика, технологическая цивилизация, человеческое достоинство.*

THE RELEVANCE OF THOMAS AQUINAS' IDEAS IN THE MODERN WORLD

Abstract: *The article examines the influence of Thomas Aquinas' philosophical and theological ideas on contemporary legal and moral thought. It explores his concepts of natural law, the relationship between law and morality, and the role of conscience and reason in social organization. Special attention is given to the application of Aquinas' doctrine in addressing technological and ethical challenges of the 21st century. The author argues that Aquinas' scholastic framework provides a valuable foundation for understanding human rights, digital ethics, and the moral regulation of emerging forms of social life.*

Keywords: *Thomas Aquinas, natural law, morality, law, philosophy, conscience, social ethics, technological civilization, human dignity.*

Учение Фомы Аквинского стало одной из интеллектуальных опор христианской Европы. Его концепция «естественного закона» соединяет веру и разум, придавая этике рациональное основание. Для Аквинского мир устроен иерархично: на вершине стоит вечный закон как выражение воли Творца, ниже — естественный закон, доступный человеческому разуму, и, наконец, человеческое право, обязанное отражать эти два высших уровня [5, с. 142]. Это не схоластическая абстракция, а стройная логика мироустройства, в которой мораль и право образуют единое целое. Если закон противоречит нравственности, он теряет силу — идея, радикальная для XIII века, но сегодня звучащая не менее остро.

С точки зрения социальной философии Аквинский выступает не как догматик, а как аналитик, стремящийся рационализировать веру. Он усматривает в человеке носителя разума, способного распознавать добро и зло независимо от церковных авторитетов. В *Summa Theologiae* философ утверждает: разумное существо участвует в вечном законе, а значит, моральная природа человека не подлежит отмене ни властью, ни обстоятельствами. Именно это положение впоследствии ляжет в основу концепции «естественных прав», развиваемой Гуго Гроцием и Джоном

Локком. Через эту линию аквиновская мысль проникает в светское право и формирует понятие юридического гуманизма — признание человеческого достоинства высшей ценностью правопорядка [2, с. 31].

Интересно, что даже в эпоху Ренессанса, когда схоластика подвергалась насмешкам, идея естественного закона продолжала жить в университетах и судебных школах Европы. Она определяла принципы канонического права и позднее оказала влияние на правовые кодексы XVIII–XIX веков. Аквинский, опираясь на Аристотеля, рассматривал справедливость как добродетель, выражающую рациональное равновесие между обязанностью и свободой. В этом смысле он предвосхищает понятие «правового государства», где закон должен не подавлять, а направлять человеческое поведение к добру. Эта идея стала своеобразным философским анкером для всей западной правовой традиции.

В российской мысли XIX века аквиновская система воспринималась как альтернатива юридическому позитивизму. В трудах философов религиозного возрождения — Бердяева, Булгакова, Франка — присутствует тот же мотив: закон без нравственного основания превращается в форму насилия. В этом контексте идеи Аквинского можно рассматривать как теоретическую предпосылку современного понимания прав человека, где мораль выступает внутренним ограничителем государственной воли [1, с. 32].

Аквинский не создал кодекса, но предложил метод: соотносить каждое правило с высшим благом. Его иерархия законов отражает не церковную догматику, а универсальный принцип — первенство разума над властью. В этом заключается его поразительная современность: он мыслит в категориях ответственности, а не подчинения. Сила его системы в том, что она не нуждается в изменениях — она способна включать в себя любые новые формы жизни, не разрушая внутреннего морального каркаса.

Современная юриспруденция, несмотря на внешнюю секулярность,

продолжает спорить с Фомой Аквинским. Центральный вопрос — возможно ли право без морали — остаётся нерешённым. С развитием позитивизма в XIX–XX веках закон стал трактоваться как инструмент государственного принуждения, но этическое измерение права никуда не исчезло. Сергей Филатов справедливо пишет, что мораль и право — это два взаимосвязанных регулятора, где первый задаёт высшие стандарты, а второй — минимальные [4, с. 28]. Когда между ними возникает разрыв, общество начинает терять чувство справедливости.

Эта проблема особенно обостряется в условиях технологических перемен. Правовые системы вынуждены реагировать на явления, не имеющие моральных аналогов в прошлом: клонирование, искусственный интеллект, цифровой контроль. Если следовать логике Аквинского, решение этих вопросов возможно только при признании существования объективного добра, постигаемого разумом. То, что раньше называлось «вечным законом», сегодня можно назвать «этической константой» — принципом сохранения человеческого достоинства как высшей нормы. Отказ от этой константы делает право произвольным, а справедливость — фикцией [1, с. 36].

Философско-правовая мысль XX века неоднократно возвращалась к аквиновскому наследию. После Нюрнбергского процесса в юридической этике вновь прозвучала идея, что существует право выше закона — то, что нельзя отменить даже парламентским решением. Это прямое воплощение тезиса о естественном праве, участвующем в вечном законе. Современные нормы международного гуманитарного права — Женевские конвенции, Хартия ООН — несут в себе этот след: они апеллируют не только к процедуре, но и к совести человечества [4, с. 30].

Противопоставление права и морали — признак кризиса цивилизации. Об этом писал Владимир Артёмов, анализируя технологические угрозы XXI века: если нравственное измерение исчезает из правовой сферы, общество теряет способность к восходящему развитию [1, с. 39]. Аквинский, как ни

парадоксально, предвосхитил эту мысль ещё в XIII веке. Для него закон без морального содержания — пустая форма, а мораль без закона — бессильная абстракция. Их синтез возможен лишь через разум, способный распознавать гармонию между внутренним убеждением и внешним порядком.

В этом контексте можно говорить, что наследие Фомы Аквинского — не только историческая память, но и действующий принцип философии права. Современные юристы, сталкиваясь с этическими вызовами цифровой эпохи, невольно обращаются к тому же критерию, что и он: закон справедлив лишь тогда, когда служит добру, а не выгоде. И чем глубже человек погружается в технологическую зависимость, тем настойчивее звучит аквиновский вопрос — может ли быть разум без совести и закон без правды [5, с. 146].

Фома Аквинский рассматривал человека как существо, в котором разум и совесть образуют внутренний закон, соотнесённый с вечным порядком. Этот взгляд, хоть и родился в XIII веке, перекликается с современной социальной философией, где мораль трактуется как форма общественного сознания. В трудах Андрея Похилько и Ашота Аваляна мораль описывается не просто как совокупность норм, а как феномен коллективного опыта, объединяющий людей вокруг идей справедливости и добра [3, с. 90]. Именно это понимание помогает переосмыслить аквиновскую мысль в контексте XXI века.

Если для Фомы внутренний закон в человеке — отражение разума Бога, то для современной феноменологии общественное сознание — форма исторического разума человечества. Между этими формами нет противоречия, скорее наблюдается преемственность. Совесть, по Аквинскому, — это способность распознавать истину в конкретных действиях, а общественная мораль — результат диалога множества совестей. Такая логика особенно важна в эпоху сетевых коммуникаций, когда коллективное сознание формируется мгновенно, но без опоры на

метафизические основания может превратиться в хаос мнений.

Социальная феноменология помогает объяснить, почему учение Аквинского не устаревает: оно содержит антропологический каркас, на который можно нанизывать современные формы мышления. Человек как разумное и моральное существо остаётся субъектом права, а не его объектом. В этом заключается ключевая идея — достоинство не делегируется, оно принадлежит индивиду по факту его человеческой природы. Похилько подчёркивает, что общественная мораль воспроизводится только тогда, когда личная ответственность превращается в норму коллективного поведения [3, с. 94]. Эта мысль напрямую соотносится с тезисом Аквинского о естественном законе, вписанном в разум каждого человека.

Моральное сознание, по сути, становится инструментом саморегуляции общества, а не внешнего контроля. Такой подход особенно актуален в условиях кризиса доверия к институтам — от государства до медиа. Идея внутреннего закона человека предлагает иной путь: не через принуждение, а через разумное убеждение и воспитание добродетели. Это направление уже реализуется в практике правового образования и этических комитетов, где обсуждаются вопросы биомедицины, экологии и искусственного интеллекта. Их философская основа — то же убеждение, которое сформулировал Аквинский: без нравственной интенции право утрачивает справедливость, а свобода — смысл [5, с. 145].

В технологическую эпоху вопрос о границах морали и права стал не теоретическим, а практическим. Машины принимают решения, от которых зависят человеческие жизни; цифровые алгоритмы формируют ценности быстрее, чем школа или церковь. Владимир Артёмов в своей работе о нравственном измерении права подчёркивает, что технический прогресс без этического контроля способен разрушить правовую систему изнутри [1, с. 38]. Он называет это «утратой восходящего развития» — ситуацией, когда закон больше не отражает идею добра, а служит только инструментом

регулирования.

Здесь аквиновская концепция естественного закона становится особенно значимой. Если признать, что моральная норма встроена в природу человека, то развитие технологий не отменяет этику, а лишь требует нового способа её применения. Например, в вопросах искусственного интеллекта и биоинженерии идея естественного права может выступать критерием допустимости: не всё технически возможное является морально разрешённым. Это совпадает с принципом Аквинского — закон теряет легитимность, если нарушает благо.

Первушина, анализируя ценностные основания прав человека, отмечает, что свобода без онтологической опоры превращается в произвол [2, с. 33]. Эту проблему мы наблюдаем и сегодня — цифровое пространство расширяет свободы, но стирает личную ответственность. Аквинский решал аналогичную дилемму: свобода не абсолютна, она требует меры, исходящей из разума. В этом смысле «естественный закон» может быть переосмыслен как регулятивный принцип технологической эпохи, когда мораль становится не ограничением, а способом удержать человеческое в человеке.

Современные биоэтические комитеты, правозащитные организации и международные нормы, регулирующие использование данных и технологий, фактически воплощают аквиновскую идею о законе, который должен служить добру, а не выгоде. В этом выражается практическая актуальность его наследия. Нравственное измерение права перестаёт быть предметом богословия и становится инструментом выживания цивилизации [1, с. 41].

Аквинский, вероятно, удивился бы масштабам современного мира, но признал бы в нём ту же борьбу между разумом и хаосом. Его философия не требует пересмотра — лишь нового языка. В эпоху, когда человек делегирует мораль алгоритмам, идеи Фомы напоминают: ответственность не подлежит автоматизации.

Библиографический список:

1. Артемов, В. М. Нравственное измерение права как фактор восходящего развития общества и защиты прав человека в условиях новых технологических угроз / В. М. Артемов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 1(146). – С. 30–42. – DOI 10.17803/1994-1471.2023.146.1.030-042. – EDN EXZFYE.

2. Первушина, В. Н. Философско-мировоззренческая картина мира и ценностное основание прав человека / В. Н. Первушина, Н. М. Морозова, В. С. Остапенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 3(45). – С. 30–38. – EDN LZBUJZ.

3. Похилько, А. Д. Социальная феноменология общественного сознания / А. Д. Похилько, А. М. Авалян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 89–95. – EDN XPIHPZ.

4. Филатов, С. С. Право и мораль: исторический контекст и современное понимание / С. С. Филатов // Epomen. Global. – 2025. – № 60. – С. 26–31. – EDN WEWPXL.

5. Шестовских, Н. А. Мораль и право в философии Фомы Аквинского / Н. А. Шестовских // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 12(116). – С. 142–147. – DOI 10.24158/fik.2023.12.19. – EDN LMMMRI.